

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Институт гуманитарных наук
Кафедра русской литературы

На правах рукописи

Макарова Анастасия Сергеевна

**ПОЭТИКА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ 1920–1930–х ГОДОВ
(О.Э. МАНДЕЛЬШТАМ, К.К. ВАГИНОВ)**

Направление подготовки:

45.06.01 «Языкознание и литературоведение»

Направленность (профиль) образовательной программы

Русская литература

Научный доклад

об основных результатах научно-квалификационной работы

(диссертации)

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор,

профессор кафедры русской литературы

Смирнова Альфия Исламовна

Москва

2023

Внешние рецензенты:

1. Полехина Майя Мударрисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации.

2. Завьялова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева.

Внутренние рецензенты:

3. Романова Галина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

4. Васильев Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научно-квалификационная работа (диссертация) посвящена исследованию поэтики неклассической прозы 1920–1930-х годов (на материале текстов О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова) с точки зрения развития неклассической художественности.

Термин «неклассическая литература» широко распространен в современном литературоведении, однако в качестве предмета специального изучения неклассические формы художественности выступают совсем недавно. По замечанию В. Страды, в России на рубеже XIX и XX веков возникли тенденции, которые послужили причиной изменения всего мирового сообщества¹. Русскую литературу периода рубежа XIX–XX веков В. Страда обозначает следующим образом: «...двадцать пять лет жизни русской литературы после “классического” периода ее расцвета и до того, как она превратилась в “советскую”...»². Русская литература Серебряного века отличается мощным интеллектуальным и духовным поиском с целью прояснить положение новой культуры и литературы по отношению к богатому литературному прошлому и к мировым литературным и культурным тенденциям в целом, поиском новых эстетических форм. Русский символизм предлагает особый способ постижения мира – двоемирие, что оказывает влияние на развитие неклассических тенденций в русской литературе.

Поэзию и прозу рубежа веков отличают революционно новое отношение к слову, языку и ощущение своего «Я». Достоевскому и Толстому, по утверждению В. Страды, удалось выразить в прозе многогранность, изменчивость и бесконечную глубину человеческого «Я»³. Показательно, что позднее декадентско-символистская поэзия раскрывает новые возможности реализации поэтического слова, языка, насыщая его

¹ История русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды, Ефима Эткинда. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1995. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ История русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды, Ефима Эткинда. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1995. 704 с.

музыкальностью и ассоциативной образностью. Это имело определенные последствия для роли автора по отношению к тексту и роли читателя, так как ставило вопрос специфики восприятия реципиентом произведения и включенности в процесс сотворчества, создания произведения «заново».

Характерную черту символистского мироощущения, которая становится основой для неклассической литературы, отмечает Жорж Нива: «...символисты постепенно стирают границу между творчеством и размышлениями о творчестве и стремятся выработать единый текст, где царит закон зеркальности, где тексты и поэты отражаются друг в друге»⁴.

В. Д. Левин обозначает два типа повествования в прозе начала XX века: «классический» и «неклассический»⁵. Для классического повествования характерно динамическое равновесие между соответствием и несоответствием художественной действительности по отношению к нехудожественной. В рамках развертывания неклассического повествования акцент смещается в сторону резкого несоответствия художественной действительности нехудожественной, что позволяет нам говорить о «наличии концепции особого художественного языка»⁶. В неклассической прозе значительно превалирует категория эстетического, установка классического повествования на «звучащий и ритмический организованный»⁷ текст развивается путем обращения к интонационным формам устной речи. В. Д. Левин связывает данную тенденцию с развитием так называемой «орнаментальной» прозы. Элементы орнаментальной прозы прочно вошли в художественную систему формирующейся литературы неклассического типа.

Кризис символизма 1910-х годов становится ярким проявлением таких составляющих неклассической художественности, как двоемирие, отчаяние или ирония как реакция на хаотичность действительности. В акмеизме,

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 292.

⁷ История русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды, Ефима Эткинда. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1995. С. 292.

оформившемся в этот период, проявляются черты, характерные для неклассической картины мира: Н. С. Гумилев в статье «Наследие символизма и акмеизм» (1913) пишет о «причастности мировому ритму» и о «светлой иронии» по отношению к познаваемой и непознаваемой действительности. В неклассической прозе отношение к действительности представлено по-разному, однако чувство сопричастности не позволяет её представителям откровенно высмеивать или активно пропагандировать стремление к улучшению бытия – из этой позиции возникает эффект «светлой иронии».

Отношение к слову формирует в своих статьях «Утро акмеизма» и «О природе слова» (1913) О. Э. Мандельштам: писатель отмечает особую «уплотненность» поэтического слова и называет его «материалом для строительства», подчеркивая стремление поэтического языка к особой организации пространства – строить для Мандельштама означает «бороться с пустотой».

В. А. Келдыш отмечает характерные для рубежа веков глубокую трансформацию образного мышления, сомнение в устойчивости миропорядка, чувство великого переворота и начало новых путей человечества⁸. Эстетической проекцией нового мировоззрения исследователь видит Серебряный век. В. А. Келдыш по отношению к явлениям литературы начала XX века употребляет понятие «неклассический»: он также объясняет свою позицию «видоизменением художественных принципов»⁹, которое заключается для поэзии в усилении полисемантизации образного языка, развитии коннотативно-ситуативных значений поэтического слова, для прозы – в нарушении равновесия между «похожестью» и «непохожестью» по отношению к неязыковой действительности в пользу «непохожести», как нами уже упоминалось ранее. Отказ от диктата действительности закономерно изменил позицию художника по отношению к художественному целому: роль авторского я переосмысливается, художник

⁸ Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / под. ред. Н.А. Богомолова, В.А. Келдыша. В 2-х кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 13.

⁹ Там же. С. 51.

как бы отдаляется от действительности, не «воссоздает», а «пересоздает» её. Таким образом, В. А. Келдыш называет Серебряный век началом неклассической эпохи.

Особенности неклассического типа культуры освещают Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий¹⁰: основу сравнения исследователи видят в образе мира, который стремится построить то или иное литературное произведение. В литературе классического типа выстраиваемый образ мира мифологичен: произведение демонстрирует завершённый и универсальный образ мира, в котором космос всегда преодолевает хаос и устанавливает особый миропорядок, проявляющийся в системном соотношении элементов художественного целого (небо/земля, свет/тьма, добро/зло, дом/чужбина и т.д.). Новый тип культуры (неклассический или модернистский) рожден сомнением в том, что гармония или Космос достижимы. Литературные произведения неклассического типа направлены на поэтизацию Хаоса: данное мировоззрение оформляется в трудах Шопенгауэра, Достоевского и Ницше.

В начале XX века модернизм уверенно продолжал лидировать в литературном процессе: символизм испытывал кризис, но оформлялся акмеизм, зарождается искусство авангарда, позже постмодернизм. В основе всех перечисленных эстетических моделей лежал тип хаотической модели действительности, однако человеческое сознание начала века было перегружено апокалиптическими впечатлениями, поэтому набирает силу «космографическая» тенденция изображения окружающей действительности. Постмодернизм развил авангардный скепсис по отношению к окружающему миру до абсолютного безразличия, неразличения высокого и низкого, священного и ужасного, смешного и трагического. Исследователи называют тексты «Египетская марка» (1928) О. Э. Мандельштама, «Труды и дни

¹⁰ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 1. М.: Издат. центр «Академия», 2003. 413 с.

Свистонова» (1929) К. К. Вагинова «произведениями, предвосхитившими и подготовившими постмодернистскую философию культуры»¹¹.

Постмодернистская философия заключается в замещении ориентиров реальной действительности на её культурные знаки, так называемые симулякры. Таким образом, единственно возможной и реальной в постмодернизме выступает семиотизированная действительность, в которой мир предстает как текст по аналогии с классическими системами, где текст предстает как мир. Философия постмодернизма сформировалась в эпоху потрясений, культурного ужаса и хаоса, в которую погружено человеческое сознание: преследование властей, гитлеровские лагеря смерти, многомиллионные жертвы Второй мировой войны, поэтому симулякры демонстрировали и обнажали фальшь и оторванность эмблематики действительности 1920–1930-х годов XX века.

Проблемы поэтики неклассической прозы рассмотрены в контексте трудов Б. В. Томашевского¹², В. М. Жирмунского¹³, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы¹⁴, С. Н. Бройтмана¹⁵, В. Е. Хализева¹⁶. В отношении поэтики неклассических произведений, крайне важно замечание Ю. М. Лотмана¹⁷ о том, что художественное произведение является определенной моделью мира, не существует вне языка и общественных коммуникаций. Исследователь также отмечает иерархичность понятия текста и определяет его как инвариантную систему отношений, что позволяет рассматривать группу текстов как один текст, описав систему его инвариантных правил.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие / Вступ. статья Н.Д. Тмарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тмарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.

¹³ Жирмунский В.М. Избранные труды: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 406 с.

¹⁴ Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 512 с.

¹⁵ Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 2: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.

¹⁶ Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. 4–е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.

¹⁷ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

Д. М. Сегал¹⁸ вслед за Лотманом говорит о литературе как о вторичной моделирующей системе, отмечая, что неклассические тексты правомерно рассматривать как ответ на новые аспекты литературного моделирования.

Актуальность работы обусловлена тем, что аналитическое сопоставление структурно-значимых элементов прозы О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова позволит проследить динамику формирования неклассической художественности в целом.

В русской прозе XX века Мандельштам и Вагинов являются яркими представителями модернистского типа сознания. Произведения писателей нечасто рассматривались и рассматриваются в контексте сопоставления их творчества. При этом Мандельштама и Вагинова объединяет сходство творческих принципов: особенности образной системы, реализация авторской позиции, мотивная структура текстов, основанная на детализации повествования, и многое другое. Возникает вопрос и о биографических пересечениях О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова: А. А. Ахматова вспоминала, что Осип Мандельштам восхищался стихотворениями Вагинова¹⁹; П. Л. Лукницкий называл Вагинова учеником Мандельштама²⁰; С. Б. Рудаков отмечал, что Мандельштам при чтении Вагинова «боялся сам себя»²¹, он также отмечал, что Вагинов вспоминал творческие вечера акмеистов, изображал манеру чтения Гумилева и Мандельштама.

О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова по праву можно считать создателями особой семантической поэтики, в которой различные элементы текста, разные тексты, детали, творчество и жизнь скреплялись единым стержнем смысла, чтобы восстановить соотносимость человека и истории. В текстах двух писателей происходит смешение границ между поэзией и прозой ради максимального спрессовывания мира произведений.

¹⁸ Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers, 2006. 976 с.

¹⁹ Вагинов К.К. Песня слов. М.: ОГИ, 2016. С. 55–56.

²⁰ Там же.

²¹ Рудаков С.Б. Из писем к жене. Из очерка «Город Калинин». – О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене <Л.С. Финкельштейн> (1935–1936) / Вступ. ст. Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца. Публ. и подг. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца. Комм. А.Г. Меца. Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993. СПб., 1997. С. 8–236. URL: <https://rvb.ru/20vek/vaginov/ps/addenda/02/041.html>

Д. М. Сегал²² отмечает, что Осип Мандельштам и Константин Вагинов ставят проблему соотношения литературы и культуры, оба писателя обращены в прошлое. Мандельштам создает модель петербургской действительности с набором зрительных, вкусовых, звуковых, цветовых, динамических ассоциаций. Проза Вагинова полемически заострена против произведений Мандельштама, поэтому писатель обнажает прием «прикосновения к смерти», который является единственным актуальным механизмом сохранения прошлой культуры.

Ли Хенг-Сук рассматривает «Египетскую марку» и «Труды и дни Свистонова» как жанровую разновидность романа о романе, в котором затрагиваются проблемы создания литературного текста, роли художника, культурной традиции²³. Исследователь отмечает снижение роли психологизма, так как личность уже не определяется только психологией и не определяет конструкцию романа в целом. Современная Мандельштаму и Вагинову действительность диктует отказ от традиционного изображения мира: превалирует передача состояния сознания. Проза Мандельштама приобретает гибридный характер «заметок на полях» и несет в себе черты прозы поэта, а Вагинов концентрируется на создании исключительно эстетического, семантически многомерного текста романа, полностью отказываясь от изображения «жизнеподобной» действительности.

Д. С. Московская²⁴ рассматривает словоцентризм как наследие Серебряного века, где слово является единицей художественного образа, самодовлеющей величиной. Исследователь акцентирует внимание на том, что Осип Мандельштам утверждает акмеистическую ценность слова, которая заключается в его эллинизме, способности сохранять, концентрировать и транслировать историческую память. Константин Вагинов, в свою очередь, продолжит мысль Мандельштама и заострит проблему акмеистического

²² Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers, 2006. 976 с.

²³ Ли Хенг-Сук. Роман о романе и его разновидности в русской прозе 1920–х годов // Проблемы неклассической прозы / под ред. Е.Б. Скороспеловой. М.: ТЭИС, 2003. 299 с.

²⁴ Московская Д.С. В поисках слова: «странная проза» 20–30-х годов // Вопросы литературы. 1999. № 6. С. 31–65.

восприятия слова как «каталога исторических смыслов»: персонажи его произведений являются собирателями слов, они коллекционируют различные наименования, газетные заголовки, надписи на скамейках, однако это не приближает их к истине.

Е. О. Козюра²⁵ рассматривает специфику лирического «Я» в поэзии О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова и приходит к выводу, что мандельштамовское лирическое «Я» стремится к преодолению границ между миром (мировой историей и культурой) и «Я», а для Вагинова нормой существования является раздвоенность, разобщенность человеческого «Я».

М. Н. Липовецкий²⁶ называет «Египетскую марку» аллегорией истории, а «Труды и дни Свистонова» – аллегорией автора. Исследователь рассматривает произведения Мандельштама и Вагинова с точки зрения оформления исторической травмы, эстетической рефлексии. Вагинов создает метапрозаическую антиутопию, в ответ на мандельштамовскую метапрозу, преодолевающую пустоту.

Объект исследования: русская неклассическая проза 1920–1930-х годов.

Материал исследования: корпус текстов О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова, выбор которых обусловлен системой мировоззренческих установок писателей и особенностями поэтики, представленными в произведениях О. Э. Мандельштама: «Холодное лето» (1923), «Сухаревка» (1923), «Армия поэтов» (1923), «Шум времени» (1925), «Египетская марка» (1928), «Поэт о себе» (1928), «Четвертая проза» (1930); К. К. Вагинова: «Козлиная песнь» (1929), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1930), «Гарпагониана» (1933).

Предмет: поэтика неклассической прозы О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова.

²⁵ Козюра Е.О. Вокруг себя: Мандельштам и Вагинов // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 3. С. 81–92.

²⁶ Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

Цель настоящей работы – на основании анализа поэтики прозы О. Э. Мандельштама и К.К. Вагинова 1920–1930-х годов выявить закономерности формирования эстетической системы неклассической прозы в русской литературе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) проанализировать систему отношений «автор – герой» в неклассической прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова;

2) выявить структурные особенности текстов 1920–1930–х годов О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова с точки зрения композиционно значимых элементов произведения;

3) проследить динамику формирования художественного целого в неклассической прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова (сюжет и конфликт, хронотоп, мотивный комплекс, образы-символы);

4) определить специфику поэтики неклассической прозы О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова как «единого текста» в рамках модернистской эстетики (категория хаоса, роль иронии, предпосылки формирования постмодернистской поэтики).

Теоретико-методологической основой настоящей работы послужили труды С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, С. Н. Бройтмана, А. Н. Веселовского, М. Л. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, Б. О. Кормана, М. Н. Липовецкого, Ю. М. Лотмана, Т. Л. Никольской, Д. М. Сегала, Н. Д. Тамарченко, Б. В. Томашевского, В. И. Тюпы, В. Е. Хализева, Т. А. Федяевой.

Методология исследования комплексно включает в себя герменевтический метод, структурно-семиотический метод (мотивный анализ), сравнительный метод, метод интертекстуального анализа.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Прозаические тексты О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова 1920–1930-х правомерно рассматривать в качестве объекта формирования и развития неклассической художественности.

2. О. Э. Мандельштам и К. К. Вагинов выстраивают в прозе 1920–1930-х годов тождественную систему отношений «автор – герой», в которой реализуется принцип саморазоблачения героев, а основу авторской задачи составляет демонстрация позиции «повествования ради самого повествования».

3. О. Э. Мандельштам и К. К. Вагинов используют единую специфическую систему элементов поэтики (хронотоп, сюжет и конфликт, мотивный комплекс, образы-символы), что позволяет рассматривать их прозу с точки зрения динамики формирования эстетического художественного целого в неклассической литературе.

4. Специфика поэтики неклассической прозы О. Э. Мандельштама и К.К. Вагинова позволяет говорить о динамике формирования «единого текста» в рамках модернистской эстетики (активно функционирует категория хаоса, ирония выступает в качестве инструмента преодоления хаоса, формируются предпосылки постмодернистской поэтики).

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые проанализированы прозаические произведения О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова 1920–1930-х годов с точки зрения композиционно-значимых элементов, формирующих модель мира в неклассической прозе. Произведения О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова рассматриваются как пространство формирования основных эстетических модернистских принципов в области неклассической поэтики.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что основные положения и выводы работы могут быть использованы при дальнейшем изучении феномена поэтики неклассической прозы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы работы могут быть использованы в курсах и спецкурсах при

изучении истории литературы в школьной и вузовской системах преподавания, а также быть полезными при популяризации литературоведения в целом.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены на Межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Символика воды в русской и мировой словесности и культуре» (3–4 июня 2021, Москва, МГПУ), на Межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Жизнь и нравы животных в зеркале словесности, изобразительного искусства и кино» (19–20 мая 2022, Москва, МГПУ), на X Межвузовской конференции молодых исследователей «История – язык – литература – культура коренных народов» (23 мая 2022, Москва, РУДН), на Международной научной конференции XVII Виноградовские чтения «История и современность филологических наук» (3–4 марта 2023, Москва, МГПУ), на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово: синхронический и диахронический аспекты» (27 апреля 2023, Орехово-Зуево, ГГТУ).

Структура работы. Исследование состоит из Введения, трех Глав, разделенных на параграфы, Заключения и Списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и методологии исследования, формулируются научная новизна и актуальность работы, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, раскрываются основные положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования. Дается краткий обзор работ, посвященных проблемам изучения неклассической литературы, публикаций о творчестве Осипа Мандельштама и Константина Вагинова.

В **Главе 1 («Автор и герой в неклассической прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова 1920–1930-х годов»)**

проанализирована система отношений «автор – герой», которая сложилась в прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова. Понятие «автор» уточняется и рассматривается в контексте специфики неклассической прозы. Обосновывается присутствие в неклассической прозе фигуры Автора-творца и выявляется его структурная функция в организации текста.

В параграфе 1.1 «Понятие “автор” и концепция автора в неклассической литературе» рассматривается вопрос отражения в произведениях биографического контекста, а соответственно и биографического авторского «Я». Данный вопрос был болезненным для обоих писателей: в частности, О. Э. Мандельштам пишет, что Октябрьская революция отняла у него биографию. По замечанию Д. М. Сегала, О. Э. Мандельштам и К. К. Вагинов выступают за автономию авторского голоса: действительно, несмотря на автобиографичность прозы, «Я» текстов Мандельштама вовсе не комментирует моменты биографии – это личный повествователь, выявленный субъект речи, одновременно имманентный и трансцендентный произведению. Вагинов в своих текстах углубляет двойственное положение автора, он иронизирует: его «личный повествователь» практически полностью отстраняется и не выполняет свою функцию – «появляется на пороге произведения», передает свои функции другому писателю (главному герою произведения) или комментирует происходящие события.

В параграфе 1.2 «Автор-творец в эстетическом событии произведения неклассической художественности» на основе теории М. М. Бахтина²⁷ и исследований Б. О. Корманом²⁸ проблемы автора в эстетическом событии произведения аналитически детерминирована использование в неклассической прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова фигуры Автора-творца – того, кто эстетически завершает произведение и кому принадлежит понимание мира и человека, превышающее возможности

²⁷ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Изд-во «Э», 2017. 640 с.

²⁸ Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.

любого субъекта речи и носителя точки зрения внутри произведения. На основе анализа и сопоставления текстов писателей делается вывод, что неклассическая проза, ввиду специфики реализации авторского образа, нуждается в инстанции, которая стоит не «за» героем и изображенным миром (образ автора), не «рядом» с героем и в созданном мире (рассказчик), а расположена вне текста (но не является биографическим автором). Автор-творец является инстанцией, которая «отвечает» на смысл личности героя, его судьбы и изображенной действительности самим изображением, всем произведением.

В параграфе 1.3 «Герой и система персонажей произведений О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова в неклассической системе субъектных структур» рассматривается динамика формирования принципа самораскрытия героев неклассической прозы. Персонажи Мандельштама и Вагинова – представители творческой интеллигенции, оставшиеся в имперском Петербурге, не могут принять навязываемых ценностей нового мира, абсолютно дисгармоничны им, и выглядят жалко и смешно. Система персонажей текстов О. Э. Мандельштама и К.К. Вагинова проанализирована с точки зрения бахтинской системы «я – другой» и тенденций, выделяемых С. Н. Бройтманом²⁹: 1) преодоления диктата повествователя и демонстрация действительности в изменчивых субъективных представлениях героев, которые не детерминированы присутствием автора; 2) представление об авторе как о вероятно-множественном субъекте, порождаемом процессом повествования.

Глава 2 «Композиционные приемы организации художественных текстов в неклассической прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова 1920–1930-х годов» посвящена вопросам структурной организации текстов: пространственно-временной сферы, сюжета и конфликта, мотивного

²⁹ Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 2: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.

комплекса произведений. С опорой на мысль Е. В. Волковой³⁰, каждый художественный элемент рассматривается с точки зрения его проявления в функциональной соотнесенности с другими элементами и произведением как целостностью.

В параграфе 2.1 «Композиция. Художественное время и пространство в неклассической прозе» анализируется пространственно-временная категория произведений О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова. Петербург постепенно из города имперской мечты обретает черты квазиреальности. Категория хронотопа в прозе писателей раскрывается с точки зрения субъективно-переживаемой действительности, поэтому особенности художественного пространства и примет времени обусловлены не соответствием реальности, а продиктованы авторским восприятием мира, «пропущены» через сознание творца. Анализ пространственно-временной структуры в произведениях Мандельштама и Вагинова позволяет проследить динамику формирования хронотопа как художественного целого неклассической прозы: приметы времени, маркирующие специфическое пространство неклассической прозы, выступают в качестве «ключа», алгоритма сохранения и реализации прошлого и настоящего в неразрывной связи с вечностью.

В параграфе 2.2 «Сюжет и конфликт. Событие, ситуация, коллизия» с опорой на аналитические исследования А. Н. Веселовского³¹, Б. В. Томашевского³², В. Е. Хализева³³, В. И. Тюпы³⁴ выделены основные классификации сюжетов и определены их функции. Сюжетные схемы неклассической прозы Мандельштама и Вагинова проанализированы с точки

³⁰ Волкова Е.В. Произведение искусства – предмет эстетического анализа. М: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 288 с.

³¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.

³² Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие / Вступ. статья Н.Д. Тмарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тмарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.

³³ Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.

³⁴ Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 512 с.

зрения нарратологических терминов события, ситуации и коллизии. Выявлена общая тенденция фиксации незначительных, на первый взгляд, ситуаций и придание им событийности благодаря самому факту отражения в произведении уходящей эпохи: вокзалы, больницы, литературные собрания, рецепты, конфетные обертки, лимонные косточки и многое другое.

В параграфе 2.3 «Мотивный комплекс неклассической прозы. Образы-символы и роль детали» рассматривается мотивная организация текстов О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова. Интересно и показательно, что образы и детали в текстах Мандельштама и Вагинова отличаются сходством и динамичностью. Так, например, иронически подчеркивая разницу между людьми искусства и неискусства, Мандельштам и Вагинов обращаются к образу зубного врача. Мандельштам в «Египетской марке» в лирическом отступлении иронически признается в любви к дантистам «за их любовь к искусству» и называет бормашину земной сестрой самолета. Вагинов углубляет данный образ: один из его героев, представителей уходящей интеллигенции, становится зубным врачом и так рассуждает о профессии: «Думал я сначала, что это все так, пустяки, временный заработок, вечерние курсы, а потом зубным врачом оказался» В том же контексте воспринимаются обращения к эмблемам искусства: Мандельштам прощается с оперным искусством: «Прощай, Травиата, Розина, Церлина» (в рамках события смерти итальянской оперной певицы Анджолины Бозио, которое он освещает в Египетской марке), а Вагинов снова утрирует данную деталь и Травиатой у него зовут таксу старичков Тани и Пети, для которых она, старенькая и дряхлая собачка, становится единственным смыслом в жизни. Не менее интересно функционирование образов китайцев: и для Мандельштама, и для Вагинова образ китайца становится олицетворением коварства, угодливости и склонности к социальной мимикрии. Не менее важен также контекст языка и речи: непонятность, темнота чужого языка подчеркивает контекст инакости, инородности новой действительности, отчужденность человека от человека. Обращение к специфическим образам и

деталюм, образует определенный комплекс мотивов: уходящей интеллигенции, трансформации искусства в новом мире, отношения к слову и языку, самоощущению человека. Прослеживается общая тенденция формирования мотивного комплекса неклассической прозы.

В Главе 3 «Модернизм и эволюция поэтики неклассической прозы в художественном сознании» специфика поэтики прозы О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова рассматривается в рамках модернистской эстетики и основных аспектов, демонстрирующих ее эволюцию.

В параграфе 3.1 «Категория хаоса» анализируются и сопоставляются мировоззренческие установки О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова, выразившиеся в чувстве сопричастности действительности и, в то же время, глубокой отчужденности и ее неприятии. По отношению к Мандельштаму это отмечает Н. И. Вайман³⁵: он обозначает следующие мировоззренческие координаты «отчужденности»: диалектика хаоса, кривизна, страх, собиpание. Образ хаоса у Мандельштама связан с «иудейской» проблематикой, «еврейским вопросом»: он пишет об этом в «Шуме времени». Н. И. Вайман³⁶ подробно прослеживает попытки приобщения Мандельштама к «чужому и чуждому народному телу», но приходит к выводу, что поэт сам осознавал тщетность усилий. Мандельштам чутко ощущал собственное изгойство, даже «кривизну» фамилии, которая «криво звучит, а не прямо».

Для Вагинова вопрос «выпрямления» фамилии стоял не менее остро: во время Первой мировой войны его семья сменила фамилию Вагенгеймов на Вагиновых. Исследователь А. Л. Дмитренко³⁷ выяснил, что родители отца писателя были евреями, которые вынужденно крестились в лютеранство (то же самое сделал и Мандельштам для поступления в университет). А. Г. Герасимова³⁸ отмечает вселенскую неприкаянность Константина

³⁵ Вайман Н.И. Черное солнце Мандельштама. М.: Аграф, 2013. 256 с.

³⁶ Там же.

³⁷ Вагинов К.К. Песня слов. М.: ОГИ, 2016. 368 с.

³⁸ Там же.

Вагинова, охоту к перемене мест, самоощущение подкидыша, косноязычие. Мандельштам в «Шуме времени» также отмечает косноязычие отца, повлиявшего на писателя: «У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие».

Данные тенденции не могли не отразиться на творчестве писателей, они явились общими местами для отражения категории хаоса, который был вызван не только сменой одного века другим и происходящими внешними событиями, но и глубоким внутренним кризисом, отсутствием ощущения принадлежности к какой-либо культурной, литературной традиции. Однако ощущение собственного «Я» в действительности и невозможность открыто осуждать и обличать происходящее, так как элементарные категории «хорошего» и «плохого», «правильного» и «неправильного», «черного» и «белого» развенчаны хаосом бытия.

В параграфе 3.2 «Ирония как способ преодоления хаоса» с опорой на исследование Т. А. Федяевой³⁹ рассматривается феномен неклассической иронии, которая выступает у обоих писателей средством преодоления хаоса и упорядочивания мироустройства. Выявляется, что неклассическая ирония выявляет и усиливает противоречия между описываемыми явлениями, не предлагая читателю готовое решение в системе «правильное» и «неправильное, заслуживающее осмеяния». Как справедливо отмечает П. П. Гайденко: «Ирония никогда не делает окончательного выбора, ни на чем не останавливается, все время испытывает ощущение полной свободы, не отождествляя ни с кем из созданных персонажей, не принимая всерьез ни одну из провозглашенных идей»⁴⁰.

В параграфе 3.3 «Семантика “единого текста” неклассической прозы как предвосхищение постмодернистской поэтики» проза О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова рассматривается с точки зрения выраженных в ней элементов, подготовивших постмодернистскую

³⁹ Федяева Т.А. Диалог и сатира. Проблемы поэтики сатиры неклассического типа. СПб.: Союз писателей России, 2013. 284 с.

⁴⁰ Гайденко П.П. Трагедия эстетизма. О мирозерцании Серена Киркегора. М.: ЛКИ, 2007. С. 23.

философию культуры. Целостность поэтики произведений Мандельштама и Вагинова начинает существовать на уровень выше конкретного произведения, объединяя рассматриваемый корпус текстов писателей, что позволяет говорить о формировании «единого текста» и рассматривать композиционно-значимые элементы как элементы, характеризующие общую тенденцию формирования поэтики неклассической художественности.

В **Заключении** исследования изложены основные результаты работы, а также обозначены возможные перспективы исследования.

Образ автора раскрывается в прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова 1920–1930–х годов неклассически: в тексте представлен повествователь, который не является организующим центром произведения; эстетически завершающим субъектом выступает образ Автора-творца, обнаружение которого демонстрирует несостоятельность традиционного образа автора. Система персонажей построена на принципе саморазоблачения: персонажи строят отношения с внешним миром в попытках адаптировать к новым условиям свою личность, состоящую из штампов, клише воспоминаний, деталей быта, что в конечном итоге оборачивается неудачей.

Элементы поэтики прозаических текстов (хронотоп, сюжет и конфликт, мотивный комплекс, образы–символы) О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова 1920–1930–х годов обнаруживают сходство, что позволяет проследить процесс формирования эстетического художественного целого в неклассической литературе.

Эстетическая реальность в прозе О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова выстраивается на основе восприятия мира как хаоса, что вписывает их имена в модернистскую парадигму русской литературы, которая демонстрирует общие для рубежа веков катастрофичность, фрагментарность. Инструментом преодоления хаоса у обоих авторов выступает ирония, с помощью которой обнажаются приёмы создания художественной действительности. Это

позволяет говорить о произведениях авторов как о текстах, подготовивших постмодернистскую философию культуры.

Прозаические тексты О. Э. Мандельштама и К. К. Вагинова правомерно рассматривать в качестве формирования общей тенденции в развитии неклассической художественности.

Основные положения исследования отражены в 4 публикациях, в том числе 3 из них в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Публикации по теме НКР в журналах, внесенных в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Макарова А. С. Сюжет и конфликт в романах К. Вагинова «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2020. № 4. С. 53–57.

2. Макарова А. С. Нарратологический аспект неклассической прозы 1930-х годов (О. Мандельштам, К. Вагинов) // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 3. С. 121–127.

3. Макарова А. С. «Кроличья кровь» и «наследство овцеводов» – зоосимволика в неклассической прозе О. Э. Мандельштама 1920–1930-х годов // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 3. С. 139–144.

Публикации в других изданиях:

Макарова А. С. Проблема «отчужденности» в неклассической прозе О. Мандельштама и К. Вагинова 1920–1930-х годов // История – язык – литература – культура коренных народов: материалы X межвузовской конференции молодых исследователей, 23 мая 2022 г., Москва / под ред. В. П. Синячкина. М.: РУДН, 2022. С. 30–34.